

Глава 2

«А я считаю, — размышлял Ду Юньтин, — что такая солидная сделка тебе вполне по плечу».

[...И не просите! — отозвался 7777. — Я этим заниматься не стану!]

Сколько бы он ни твердил, ответ оставался прежним.

[Я — порядочная система, а не какой-нибудь... не какой-нибудь...]

«Значит, в сутенёры ты не метишь?» — уточнил второй молодой господин Ду.

7777 судорожно вздохнул и буквально взвизгнул:

[Не смейте произносить это слово вслух! Это совершенно не соответствует базовым социалистическим ценностям!]

Ду Юньтин искренне изумился.

«И чего ты, железяка, так печёшься о морали? Ты же не в обществе живёшь. Ты даже не человек».

Система 7777, едва успев дебютировать на поприще наставничества, потерпела сокрушительное поражение и, захлёбываясь электронными слезами, ушла в режим ожидания.

В мире воцарился покой.

Второй молодой господин Ду не привык обделять себя комфортом. Почувствовав, как в животе предательски заурчало, он поднялся и принялся шарить по углам в поисках наличности. В итоге, обшарив все карманы джинсов, он выудил лишь жалкие сто восемьдесят юаней. Ду Юньтин уже и забыл, когда в последний раз был настолько беден. С минуту поглазев на помятые купюры, он решил всё же выйти в свет и хоть как-то перекусить.

Тут же, словно из-под земли, снова вынырнул 7777.

[Вы куда?] — подозрительно осведомился он.

— Обедать.

[Вы ведь не собираетесь... — система так и сочилась тревогой, — торговать собой на обочине?]

Ду Юньтин замер на пороге и медленно проговорил:

— А ты подбрасываешь мне неплохие идеи.

7777 едва не закричал в голос от досады, готовый надавать самому себе пощёчин, и поспешно отключился.

Припрятав деньги, Ду Юньтин вышел на улицу. Он постоял у дороги, но, конечно, не собирался заниматься ничем предосудительным. Свернув за угол, он направился в ближайшую закусочную, где с нескрываемым аппетитом принялся за жареные палочки из теста, запивая их чашкой сладкого соевого молока всего за два юаня.

В свою порцию он не пожалел и бахнул добрых пять ложек сахара.

Несмотря на ранний час, город уже просыпался, наполняясь людьми, спешащими по делам. Лишь несколько парикмахерских и массажных салонов всё ещё стояли с опущенными шторами и плотно зашторенными окнами — их время ещё не пришло. Ду Юньтин бесцельно бродил по округе. Ночной дождь оставил после себя вязкую грязь; мимо пронёсся ребёнок, и из-под его пяток вылетела сочная струя жижи, запачкав Ду Юньтину штанину.

Вернувшись, второй молодой господин Ду стянул грязные брюки и, выудив из шкафа сменную пару, на мгновение замер.

Нельзя сказать, что он никогда не знал нужды. Просто с тех пор, как он попал в семью Ду, подобная жизнь осталась в далёком прошлом.

Теперь же возвращение к истокам... казалось сомнительным удовольствием. Это невольно пробуждало в памяти обрывки старых, путаных воспоминаний.

Приведя себя в порядок, Ду Юньтин решил, что пора переходить к делу.

— Двадцать восемь? — позвал он.

Тишина. Подождав немного, он прикрикнул погромче:

— Двадцать восемь!

От его голоса с потолка посыпалась серая пыль.

[...Товарищ, — подал голос 7777, — вы кого зовёте? У меня нет такого имени].

«Разве четырежды семь не двадцать восемь?»

7777 снова захотелось уйти в офлайн. Ду-младший, не давая ему опомниться, перебил:

— Ладно, неважно. Скажи лучше, как мне вернуться назад?

[Уважаемый пользователь, ваше физическое тело в исходном мире уничтожено. Возвращение возможно только в виде духа].

«Духом так духом, — покладисто согласился Ду Юньтин. — Главное, я ведь так и не успел посмотреть, как господин Гу принимает ванну».

«В состоянии призрака это будет даже удобнее».

[...]

7777 всерьёз задумался о том, чтобы отказаться от этого подопечного. Можно ли нарушить принцип равенства всех существ и силой запихнуть этого грешника обратно?

Например, в чью-нибудь плаценту?

[Это невозможно, — отрезал 7777. — Но у вас есть другой путь. Завершив миссии, вы сможете получить шанс на перерождение].

Ду-младший хлопнул в ладоши:

— Знаю я эти схемы. Ты ведь сейчас дашь мне какую-нибудь суперсилу? Ну, скажем, рентгеновское зрение?

На этот раз 7777 проявил недюжинную выдержку: его электронное сердце осталось холодным и спокойным.

[Никаких суперсил. Однако после завершения каждой сюжетной линии пользователь получит оценку, основанную на уровне раскаяния подонка. Набранные баллы можно потратить в Системе обмена на различные предметы].

«То есть аванса не будет?»

Система была непреклонна:

[Нет!]

— Эх, — вздохнул Ду-младший, видя, что маленькую систему больше не поддразнить. Он разочарованно потёр подбородок. — Видимо, придётся работать.

«При жизни палец о палец не ударил, а после смерти приходится вкалывать на систему. Мораль пала, нравы испортились... Несправедлив ко мне этот мир».

— И в чём заключается задача этого мира?

7777 на мгновение замолк, после чего задал встречный вопрос:

[Вы когда-нибудь слышали о PUA?]

Чэнь Юаньцин никогда раньше не сталкивался с этим понятием.

Ему просто казалось, что у его парня, Сяо Пиннаня, слишком тяжёлый характер.

Родители Юаньцина ушли из жизни рано. Ещё с университета ему приходилось вкалывать на нескольких работах, чтобы прокормить себя, так что на мысли о любви времени просто не оставалось. А когда он осознал свою ориентацию, фраза «нет времени» сменилась на «не смею».

Общество не слишком жаловало таких, как он, и Чэнь Юаньцин жил осторожно, стараясь быть тише воды и ниже травы.

Сяо Пиннань стал роковой случайностью.

Они встретились в библиотеке. Возвращая книгу, Юаньцин обернулся и наткнулся на чей-то взгляд — прямой, пристальный, изучающий. На него смотрел красивый молодой человек. Юаньцин смутился под этим напором, неловко опустил голову и уже хотел уйти, как вдруг услышал: «Привет...»

И Юаньцин не смог сделать ни шагу.

Мужчина подошёл к нему ближе, тоже выглядя слегка смущённым.

— Я уже давно за тобой наблюдаю.

— Эм...

— ...Можно мне твой WeChat?

Их отношения развивались стремительно. Сяо Пиннань умел красиво говорить и казался воплощением заботы: он преданно провожал его с работы, встречал по утрам, появляясь под окнами каждый божий день. Через полмесяца они стали парой, и Пиннань впервые переступил

порог его дома. Юаньцин нервничал — эта квартира была его последним тайным убежищем, а теперь он полностью открывал её любимому человеку.

Собеседник, казалось, вовсе не замечал его трепета. Он лишь окинул комнату беглым взглядом, и в его глазах промелькнуло разочарование:

— И это всё? Тут так тесно.

Сердце Юаньцина болезненно сжалось.

— Да ладно, — Сяо Пиннань вдруг снова улыбнулся. — Пусть ты и беден как церковная мышь, ты всё равно мне нужен.

Он приобнял Юаньцина и ласково ущипнул его за нос.

— Кроме меня, ты ведь никому не нужен.

Юаньцин просматривал «Моменты» своего возлюбленного. Мир, отражённый в них, казался сказкой: изысканные вина, белоснежные яхты, спорткары, лазурные берега... Пиннань объездил весь свет и мимоходом травил истории о жизни за океаном. Сам Юаньцин, хоть и закончил престижный вуз и имел небольшие накопления, никогда не позволял себе даже мысли о заграничной поездке. У него не было родителей, не было тыла, и он вынужден был рассчитывать каждый юань, планируя их общее будущее.

Однажды за разговором Сяо Пиннань спросил:

— А ты где успел побывать, А-Цин?

— ...

Юаньцину было нечего ответить. Все свои двадцать с лишним лет он провёл в этом городе. Он что-то невнятно пробормотал, и брови его партнёра взметнулись вверх:

— Да ладно? Ты даже за границей ни разу не был? В наше-то время остались ещё такие люди?

Юаньцин не нашёл слов в оправдание. Пропасть между ним и возлюбленным казалась непреодолимой. Сяо Пиннань был подобен недостижаемому облаку в небесах, а он — лишь никчёмной придорожной грязи.

Пиннань долго и пристально смотрел на него, а затем прижал к груди.

— Ничего, — тихо прошептал он. — Пусть другие воротят нос, я тебя никогда не брошу.

Ложь, повторённая многократно, становится истиной.

Юаньцин перестал считать себя достойным человеком. Недостаток кругозора, неумение вести себя в обществе, неспособность подарить наследников — все эти «изъяны» Пиннань день за днём методично вдалбливал ему в голову.

«Пусть с первого взгляда ты и кажешься посредственностью, но...»

«Даже если ты никогда не пробовал фуа-гра, я всё равно...»

«Мои родители всегда мечтали о внуках. Но ради тебя я...»

Всё это подавалось как признания в любви. Юаньцин никак не мог взять в толк: почему же слова любви не приносят счастья, а ложатся на плечи непосильным грузом?

Чтобы загладить свою «вину», он начал тратить на Пиннаня все деньги. На те крохи, что он собирал годами, он купил ему новый компьютер, дорогой смартфон, брендовую одежду. Сам же Юаньцин перешёл на старый кнопочный телефон и переехал из приличной квартиры в крохотную комнатку площадью в двадцать квадратов. Но характер Сяо Пиннаня портился с каждым днём. Однажды Юаньцин вернулся с работы поздно и увидел, что тот просто валяется на диване, уткнувшись в телефон. Юаньцину пришлось самому идти к плите, хотя после десятичасовой смены он едва стоял на ногах.

— Пиннань, потрогай мне лоб, — позвал он. — Кажется, у меня жар.

Мужчина даже не шевельнулся.

— Ну так выпей таблетку, — бросил он, не отрываясь от экрана.

— ...

Юаньцин сам нашёл лекарство, но из-за сильного головокружения перепутал банки и всыпал в овощи ложку сахара вместо соли. Пиннань сел за стол, не выпуская телефона из рук, но, попробовав первую же ложку, изменился в лице. Он резко вскочил:

— Ты это специально?!

Юаньцин опешил.

— Что?

— Даже пожарить нормально приготовить не можешь! Какая от тебя вообще польза? Зачем ты вообще живёшь, а?! Нищий, бездарный... Ты хоть понимаешь, скольким я ради тебя пожертвовал?! — Пиннань с силой швырнул телефон на стол. — Моя мать только и грезит о внуках, и если бы не ты, мой род бы не прервался на мне!

Он в ярости грохнул тарелку об пол и вылетел из дома. Юаньцин долго сидел за столом, оцепенев. В носу предательски заципало.

«Наверное, это из-за высокой температуры», — подумал он.

Он до смерти боялся, что этот человек уйдёт. Боялся, что без него он снова станет лишь «никчёмной грязью». Юаньцин искал его всю ночь, но тщетно. Лишь спустя неделю он случайно столкнулся с ним на улице.

Взгляд его был ледяным. Юаньцину пришлось долго молить о прощении, прежде чем Пиннань согласился вернуться.

Дома любовник наконец улыбнулся и снова назвал его «драгоценным».

— Драгоценный... Мы больше никогда не расстанемся.

«Никогда не расстанемся».

Юаньцин тоже пытался улыбаться, но на душе не было ни капли покоя. Он перестал быть самостоятельной личностью, превратившись в марионетку. Каждый его день был похож на прогулку по тонкому льду, а все нити управления были зажаты в кулаке Сяо Пиннаня. Он лишился друзей, лишился свободы, вся его жизнь замкнулась на одном человеке. Даже когда его нашли биологические родители, он отказался от встречи.

В конце концов Сяо Пиннань сказал:

— Любить по-настоящему — значит иметь решимость умереть ради другого.

Юаньцин не хотел умирать. Жизнь далась ему непросто, и он знал, что нет ничего ценнее самой возможности дышать.

Но любовник убеждал его, что есть другие парни, готовые отдать ради него всё, включая саму жизнь.

— Только такую любовь можно назвать истинной.

«Ну что ж, — подумал Юаньцин. — Если это единственный способ доказать чувства...»

Сердце его было полно смятения; он чувствовал себя утопающим, который цепляется за последнюю гнилую щепку. Он приготовил лезвия, но перед смертью решил выпить бутылку вина и посмотреть фильм, который давно хотел. Пиннань никогда не позволял ему трогать компьютер, и Юаньцин впервые нарушил запрет. Открыв папку, он обнаружил бесконечный список видеофайлов.

На записях были запечатлены самые разные юноши вместе с Пиннанем. Заголовки гласили: «Задание 1», «Задание 2»...

Кожа Юаньцина покрылась мурашками. Дрожащими руками он начал искать глубже и наткнулся на другие записи. На видео какой-то невзрачный немолодой мужчина стоял у доски и вещал:

— Знакомство должно строго следовать шаблону. Фотографии для ваших соцсетей я пришлю позже в WeChat...

— На среднем этапе необходимо выстроить ловушку для уничтожения самооценки. Обязательно внедрите систему поощрений и наказаний. Постоянно указывайте на его недостатки, раздувайте их до невероятных масштабов. Добейтесь того, чтобы он отвернулся от семьи и друзей...

— Заставьте его тратить на вас деньги, используйте метод стимуляции ревностью. Чаше закатывайте истерики, заставляйте его молить вас остаться. Чем больше раз он это сделает, тем послушнее станет. Гарантирую, он будет как пластилин в ваших руках. Но в финале вы должны внушить ему: если он не готов ради вас на самоубийство, значит, он вас не любит!

В это мгновение жизнь Чэнь Юаньцина превратилась в нелепый, жестокий фарс. И что было ещё нелепее — у него не осталось ни друзей, ни родных, ни денег, ни гордости. Годы жизни были выброшены на помойку.

Он стоял посреди пустой комнаты, и у него не было ничего. Совсем ничего.

Он даже забыл, что когда-то его называли «талантливым» и «трудолюбивым».

За окном слышался приглушённый смех соседей, во дворе отец высоко подбрасывал маленькую дочку — весь мир был наполнен счастьем. В своей камерке Чэнь Юаньцин разбил всё, что мог, вскрыл вены и оборвал свою жизнь в возрасте двадцати пяти лет.

И вот теперь Ду Юньтин стал Чэнь Юаньцином. Всего за день до его появления тот вскользь упомянул, что присмотрел себе дорожные часы.

Юаньцин впервые собирался потратить на Пиннаня такую огромную сумму. Ради этого он даже сменил жильё и продал телефон — лишь бы накопить на подарок.

Ду Юньтин всё понял.

«То-то он с самого утра названивает, торопит меня на работу».

Неужели так печётся о своих часиках?

Жаль только, что теперь в этом теле живёт не кроткий ягнёнок Чэнь Юаньцин. Ду-младший холодно усмехнулся.

«Часов он не получит. А вот отходную я ему с радостью организую. Захочет он того или нет».

****Автор имеет сказать:****

Трус Ду точит ножи.

<http://bllate.org/book/15364/1372866>